

18+

ОН ВЫЖИЛ,
ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ.
И НЕ ПРОСТИТЬ.

18+

ШАОЛИНЬСКИЙ

ВОЛК

ПУТЬ ЧЕРЕЗ КРОВЬ. МЕСТЬ ДЛИННОЮ В 15 ЛЕТ.

СЕГА САШИН

Сега Сашин

Шаолиньский волк

«Издательские решения»

Сашин С.

Шаолинский волк / С. Сашин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Десятилетний Дима Серебряков выжил после убийства матери на китайской границе и исчез в Шаолине. Через пятнадцать лет он возвращается в Россию уже другим человеком — мастером, свидетелем и оружием в чужой операции. Но путь ведёт не только к мести: за ним стоят дети, которых ещё можно спасти.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРОВАВЫЙ ШЁЛК	7
Глава 1. ИРИНА	7
Глава 2. ДОРОГА ДЬЯВОЛА	8
Глава 3. МОНАХ	9
Глава 4. СЯО ЛУН	10
Глава 5. КОСТИ И ПЕСОК	11
Глава 6. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	12
Глава 7. ЭКЗАМЕН	13
Глава 8. ДРУГ	14
Глава 9. СВИТОК И ЖАР	15
Глава 10. ИМЯ	16
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РУССКИЙ ВОЛК	18
Глава 11. ЗЕМЛЯ ОТЦОВ	18
Глава 12. РОССИЯ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	19
Глава 13. БАНКОМАТ И АЙСБЕРГ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Шаолиньский волк

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-9939-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+

Книга предназначена для совершеннолетних читателей.

В тексте присутствуют сцены насилия, криминальная тематика, описания жестокости и травматических событий. Все персонажи, события, географические названия и организации, упомянутые в романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями и организациями — случайны.

Не рекомендуется лицам младше 18 лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРОВАВЫЙ ШЁЛК

Глава 1. ИРИНА

Декабрь 1990. Благовещенск.

Человек пахнет страхом. Ирина Серебрякова выучила это за два года челночного бизнеса. Страх не пахнет духами — он едкий, как пот с «Примой» и перегаром. Страхом воняло от мужиков с баулами на вокзале. Страхом воняла она сама, когда везла тридцать кило дубленок через таможеню.

Сын, десятилетний Дима, спал на её плече, накрытый цигейковой шубой. Ему было тесно, но Ирина не могла позволить ему проснуться. Проснувшись, он начинал задавать вопросы. «Мама, почему мы едем ночью? Мама, почему тот дядя смотрит? Мама, папа бы нас защитил?»

Папа умер два года назад. Инфаркт. Оставил двушку в хрущёвке, долги и пустоту. Ирина работала уборщицей в школе, потом знакомые подсказали — челночный бизнес. Страшно. Грязно. Но за две ходки можно заработать как за год в школе.

Из Твери до Благовещенска она добиралась почти неделю: поезд, пересадки, чужие вокзалы, сон сидя, кипятик из титана и вечный страх проспять свою станцию. Но за китайский товар платили так, что дорога казалась не дорогой, а шансом.

— Иришка, ты чего одна? — к ней подсел мужик с лицом, похожим на корочку чёрного хлеба. Вася, попутчик по прошлой ходке. — Ребёнка мучаешь. Есть предложение.

— Некогда мне.

— Да ты послушай. — Вася прищурился. — Есть китаец в Харбине. Дает товар под реализацию. Сопровождение надо. Моя свояченица едет с парнем, багаж большой. А мне завязывать надо — сердце.

— Почему я?

— Ты баба. Таможенники баб меньше шмонают. И дите с тобой — святое. Пятьсот баксов сверху. — Вася достал мятый конверт. — Сто аванса.

Ирина посмотрела на сына. Он просил джинсы, как у парня из американского видео. И плеер. А она привезла всего ничего.

— Кто сопровождающие?

— Свои. Володя и Сергей. Водят аккуратно. Выезжаем завтра.

Она взяла конверт.

Но чутьё подсказывало, что это ошибка.

Глава 2. ДОРОГА ДЬЯВОЛА

Старый РАФ с занавешенными окнами. Володя за рулём — лысый, с золотой коронкой. Сергей — молодой, вертлявый, курит даже на китайской стороне.

Границу они прошли не как туристы и не как честные торговцы: по зимнему коридору для «своих», через человека на посту, который смотрел не в паспорта, а в ладонь с купюрами. Поэтому Ирина поняла слишком поздно: назад их уже не выпустят тем же путём.

В кузове, кроме Ирины с Димой, женщина лет сорока. Бледная, испуганная. Зоя. Она везла три мешка и плакала всю дорогу.

— Что там? — шепотом спросила Ирина.

— Господь свидетель, не знаю, — прошептала Зоя. — Сказали — ширпотреб. Но они тяжёлые.

Ирина почуяла запах. Сладковатый, удушливый, неестественный, приторный.

— Дим, спи, — сказала она.

Постучала в перегородку кабины:

— Остановите.

— Куда выходить? Кругом поле. — Володя не обернулся. — Через час будем.

— Я сказала — останови.

Сергей резко обернулся, улыбнулся кривой улыбкой:

— Сядь, мать. Не рыпайся. Ты — часть груза.

Дима проснулся. Вцепился в куртку матери.

Машина свернула на просёлок. Пустота. Замёрзшие поля. Ни души.

Машина шла не к трассе, а в сторону деревень за Хэйхэ, где зимой рисовые чеки превращались в серую ледяную пустыню.

— Выходим.

Их вытолкнули из кузова. Диму за шкурку выкинул Сергей. Зоя лежала на земле, скулила. Мешки остались в кузове. Ради них всё и происходило.

— Что вы делаете? — голос Ирины был тих. — У меня ребёнок. Заберите товар, отпустите ребёнка.

— Он всё видел, — Володя достал пистолет. — Без свидетелей.

— Не надо. — Она закрыла собой сына. — Он немой! У него операция!

Сергей ударил её прикладом.

Дима закричал. Звук разрезал тишину.

— Рот закрой, птенчик.

Володя выстрелил дважды.

Первая пуля — в Ирину. В грудь. Она упала на сына.

Вторая — в Зою.

Дима побежал. В поле. В серую смерть. Лишь бы не видеть маминых глаз.

— Вернись! — крикнул Сергей.

Вдалеке хлопнул одиночный выстрел — или петарда, или патрульный сигнал. Сергей дёрнулся, посмотрел на дорогу. — Володя, уходим, слышишь? Если китайцы сюда сунутся, нас с грузом положат. — Померзнет за ночь, — Володя сплюнул. — Китайцы найдут — сдадут на органы. Не жалец. Поехали.

Фургон укатил.

Мальчик бежал, пока ноги не отказали. Упал в рисовом поле, в ледяную кашу. Смотрел на звёзды. Чужие. Бледные.

«Мама».

И провалился в темноту.

Глава 3. МОНАХ

Ши Фу Лян нашёл его на заре.

Старый монах Шаолиня оказался в этих краях не по чуду и не по дороге судьбы, а по простой человеческой причине: возвращался из Харбина от бывшего ученика, который держал лавку с травами и просил помочь больной дочери. После первых морозов старик решил идти через деревни — в низинах поднимался корень, полезный для лёгких.

На дамбе он сначала подумал: пьяный. Но мальчик не пах водкой. Он пах кровью, мокрой шерстью и смертью. Ледяная корка затянула ему волосы. Пальцы были синие. Губы — почти чёрные.

Пульс — ниточка. Но бьётся.

На груди — медная иконка на кожаном гайтане. Православная Дева Мария. Надпись по-русски: «Спаси и сохрани».

Монах поднял тело. Лёгкое, как пух. Слишком лёгкое для ребёнка, который уже успел увидеть смерть.

Три ли дошагал до фермерской фанзы. Старуха помогла омыть мальчика, растереть спиртом, отпоить имбирём. Мальчик бредил на чужом языке. Ши Фу Лян разобрал только одно слово: «мама».

— Забирай его, — сказала старуха. — Здесь его либо милиция потеряет, либо свои же продадут. Иконка на шее — знак чужого. Чужих в эти годы не любят.

Ши Фу Лян посмотрел на белое небо. Он не верил в случайности. Только в причинно-следственные связи. Связи говорили: этот мальчик не должен был выжить. Значит, если выжил, долг теперь не на Небе — на том, кто его нашёл.

— Я заберу, — сказал монах.

Бывший ученик из Харбина прислал через водителя старую справку на имя найденыша и велел не показывать мальчика уездной милиции: там уже спрашивали про русского ребёнка люди без формы. Бумага была грязной, как всё вокруг, но иногда грязная бумага спасает чище молитвы.

До монастыря у подножия Суншань они добирались одиннадцать дней: телега, автобус, ночной поезд, снова телега. Мальчик то приходил в себя, то проваливался в жар. Каждый раз, открывая глаза, искал кого-то за спиной старика.

И каждый раз не находил.

Глава 4. СЯО ЛУН

Его называли Сяо Лун — Маленький Дракон.

Первый год мальчик не говорил. Смотрел в стену. Отказывался от еды. Бился головой. Ши Фу Лян понял: русский мальчик не верит, что выжил. В его мире выживание было ошибкой.

Сорок дней монах сидел у его постели. Читал сутры про себя.

На сорок первый мальчик взял его за руку. Спросил на ломаном китайском:

— Ты убьёшь тех, кто убил маму?

— Нет. — Монах посмотрел ему в глаза. — Но я сделаю так, чтобы тебя больше никогда не выбросили в поле беспомощным.

— Я хочу камень в сердце.

— Тогда ты станешь как они. — Монах встал. — Но если научишься ждать — станешь водой. Вода точит камень. Твоя война начнётся не сейчас. Через пятнадцать лет. А пока — учись.

И учёба началась.

Язык. Тысяча иероглифов за первый год. Медитация по шесть часов. Стойки, удары, боль.

Послушники дразнили его — белый, безродный. Сяо Лун терпел год. На второй год старший вылил ему на голову миску холодного риса. Сяо Лун встал, отряхнулся и выкрутил обидчику руку коротким рычагом.

Ши Фу Лян наказал его: три дня голода и очистительный бег. Но в глазах учителя тлела искра.

«Этот выживет. Вопрос — кем станет».

Глава 5. КОСТИ И ПЕСОК

Третий год в Шаолине. Сяо Луну тринадцать.

Он больше не плакал по ночам. Иконку прятал под подушку — не для того, чтобы молиться, а чтобы помнить. Помнить лицо матери. Помнить поле. Помнить выстрел.

Учитель Ши Фу Лян сказал однажды:

— Сяо Лун, ты сделал тело сталью. Но голова твоя — всё ещё поле. Пока ты бежишь в нём — ты не здесь. А если не здесь — не победишь.

— Я не бегу, учитель. Я жду.

— Ждёшь чего?

— Времени. Когда смогу вернуться и убить.

Ши Фу Лян покачал головой. Не сказал ни слова — ушёл. Но на следующий день приказал старшим послушникам взять Сяо Луну в горы.

Семь дней они шли на восток. Без еды. Только вода из горных ручьёв. Сяо Лун не спрашивал зачем. Он научился не задавать вопросов.

На седьмой день они пришли к пещере. Внутри — старый монах, ещё старше Ши Фу Ляна. Сидел в позе лотоса, не двигался, не дышал. Сяо Лун подумал — мёртв. Но старик открыл глаза.

— Ты русский, — сказал он по-китайски с акцентом, которого Сяо Лун не узнал. — Я был в России. В молодости. Ещё при советах.

— Давно.

— Не важно время. Важно, что ты здесь. Учитель просил научить тебя одному приёму.

— Какому?

— Который не пишут в свитках.

Старик встал — медленно, с хрустом в суставах. Сделал шаг к стене пещеры, где на верёвке висела сухая сосновая дощечка. Ударил пальцами — указательным и средним. Дощечка треснула ровно в одной точке: не от силы, а от точности.

— Это удар «иглой». Не силой — концентрацией. Точкой. Ты будешь учить его три года.

Сяо Лун посмотрел на дощечку. Потом на свои пальцы. Русский мальчик, который почти разучился читать по-русски, но выучил тысячу иероглифов.

— Я готов.

Три года он возвращался в эту пещеру каждую весну и каждую осень. Жил там по сорок дней, разбивал пальцы о связки досок и мешки с песком, возвращался в монастырь и начинал заново. К шестнадцати пальцы его были в шрамах и мозолях. Он мог пробить сосновую доску двумя пальцами насквозь.

Но спать всё ещё не мог. Снилось поле.

Глава 6. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Пятый год в Шаолине. Сяо Луну пятнадцать.

Вниз от монастыря, через бамбуковую рощу, была деревня. Туда посылали послушников за рисом и овощами.

В деревне жила девушка. Её звали Линь. Дочь фермера. Чёрные волосы до пояса, глаза как два ореха, улыбка кривая, но добрая.

Сяо Лун заметил её на второй год этих походов. Она торговала на рынке тофу и зелёным луком. Он приносил деньги учителя, покупал лук. Она улыбалась. Он отворачивался.

Никто не учил его любить. В монастыре про это не говорили.

На третий год этих походов он пришёл к ней не за луком. Принёс деревянную фигурку — дракона, которого вырезал по ночам.

— Это тебе, — сказал он по-китайски, глядя в землю.

Линь взяла фигурку. Посмотрела. Засмеялась.

— Ты странный, белый монах.

— Я не белый. Я — русский.

— А я китаянка. Нам нельзя.

— Кому нельзя?

— Всем. Ты уйдёшь. Я останусь.

Она была права. Но он всё равно приходил. Каждую неделю. Покупал лук, который не ел. Смотрел, как она смеётся с другими парнями, и молчал.

Однажды, через год, он не нашёл её на рынке. На месте прилавка стоял чужой мужик с щербатым лицом.

— Где Линь? — спросил Сяо Лун.

— Вышла замуж. В город уехала.

Сяо Лун постоял минуту. Потом развернулся и пошёл в монастырь.

В тот вечер он впервые после поля ударил стену кулаком — не для тренировки, от боли. Стена не пострадала. Скулы — пострадали.

Ши Фу Лян зашёл в келью, посмотрел на разбитые пальцы ученика, на его мокрые от слёз глаза.

— Первая любовь, — сказал монах. — Будет больно. Потом — отпустит.

— Никогда не отпустит, — прошептал Сяо Лун.

— Отпустит. Всё отпускает. Кроме поля.

Монах ушёл. Сяо Лун достал иконку, посмотрел на неё долгим взглядом.

Глава 7. ЭКЗАМЕН

Седьмой год в Шаолине. Сяо Луну семнадцать.

В этот день в монастырь приехали гости — мастера из соседних провинций. Раз в десять лет они проверяли учеников. Тех, кто не сдавал экзамен, изгоняли.

Ши Фу Лян сказал накануне:

— Ты будешь биться с тремя. Если проиграешь хотя бы один бой — уходи.

— Учитель, я не проиграю.

— Не зарекайся. Первый соперник — ученик из Вэньчжоу. Он сильнее тебя. Второй — техник. Третий — хитёр.

— Первого — скоростью. Второго — силой. Третьего — терпением, — сказал Сяо Лун.

— Откуда знаешь?

— Вы учили.

Монах кивнул:

— Иди.

Первый бой. Верзила из Вэньчжоу бросился как кабан. Сяо Лун ушёл в сторону, ударил в колено — хруст. Верзила упал. Сяо Лун добил в висок.

— Первый.

Второй бой. Техник с длинными пальцами. Не атаковал — ждал. Сяо Лун наступал, парень отступал. Три минуты — ни одного удара.

Сяо Лун закрыл глаза. Вспомнил слова учителя: «Не двигайся телом — двигайся духом».

Ложный выпад правой — парень дёрнулся. Сяо Лун ударил ногой в корпус с разворота. Техник согнулся, упал.

— Второй.

Третий бой. Коренастый мужик с улыбкой доброго продавца. Расслабленная стойка, опасный взгляд.

Минута. Другая. Третья.

Мужик сплюнул. Сяо Лун моргнул. Мужик уже летел — удар в солнечное сплетение, второй в челюсть. Сяо Лун отлетел к стене, вытер кровь.

— Сдавайся, белый.

Сяо Лун вспомнил маму. Выстрел. Обещание: «Я не умру здесь».

Шагнул вперёд. Принял удар в плечо, рука повисла. Но здоровой рукой схватил мужика за шею, ударил головой в переносицу.

Хруст. Кровь. Мужик осел.

— Третий.

Тишина. Потом крики. Послушники орали, свистели.

Сяо Лун стоял разбитый, в крови, с вывихнутым плечом — и улыбался.

Глава 8. ДРУГ

Девятый год. Сяо Луну девятнадцать.

У него появился друг. Цзянь из Пекина, из богатой семьи. В монастырь сослали за хулиганство — угнал машину отца в пятнадцать лет.

Цзянь был полной противоположностью. Громкий, весёлый, болтливый.

— Ты правда из России? А там медведи по улицам ходят?

— Нет.

— А здесь тебя все боятся. Ты сломал руку тому, кто облил тебя рисом.

— Он меня обидел.

— Да всем плевать. Ты злой. Я — добрый. Но тоже злой, если надо. — Цзянь протянул руку. — Давай дружить.

Сяо Лун не пожал. Но кивнул.

Они тренировались вместе. Цзянь вставал каждый раз, когда Сяо Лун сбивал его. «Ещё, — говорил он. — Ещё».

Однажды в монастырь пришли бандиты. Требовали дань. Настоятель отказал. Бандиты пришли ночью.

Сяо Лун проснулся от криков. Выскочил во двор — трое с ножами, один с ножовкой.

Цзянь стоял бледный, сжимал метлу.

— Беги в горы, — сказал Сяо Лун.

— А ты?

— Я остаюсь.

Сяо Лун вырубил первого ударом в кадык. Второго обезоружил, выкрутив руку. Третий с ножовкой — Сяо Лун поймал лезвие голой рукой, дёрнул на себя. Бандит упал.

Трое лежали на земле. Сяо Лун стоял, с руки капала кровь.

Цзянь подбежал, разорвал рясу на бинты. Дрожал, но перевязывал аккуратно.

— Ты сумасшедший.

— У меня нет выбора.

— Есть. Можно убежать.

— Я не бегаю. Больше.

Через год Цзянь покинул монастырь. На прощание подарил часы — дешёвые, китайские, с треснувшим циферблатом.

— Носи. Вспоминай, что у тебя есть друг.

— Зачем мне друг?

— Чтобы не сойти с ума.

Глава 9. СВИТОК И ЖАР

Тринадцатый год. Сяо Луну двадцать три.

Ши Фу Лян заболел в конце зимы, когда снег на карнизах уже чернел от дыма, но горы ещё держали холод. Сначала кашель был сухой. Потом в платке появилась кровь.

Лекарь из Дэнфэна долго слушал грудь старика, постукивал пальцами по рёбрам, нюхал отвары и молчал так долго, что Сяо Лун понял всё без слов.

— Сколько? — спросил он.

Лекарь посмотрел на него усталыми глазами.

— Если Небо будет добрым — месяц. Если ты будешь упрямым — дольше.

— Я буду упрямым.

Лекарь впервые улыбнулся.

Сяо Лун перенёс постель учителя ближе к окну. Днём менял компрессы. Ночью сидел рядом и слушал дыхание. Иногда дыхание исчезало, и тогда мир снова становился серым, ледяным, пустым. Он наклонялся к лицу старика, ловил слабый выдох и только тогда снова возвращался в комнату.

На пятнадцатую ночь Ши Фу Лян открыл глаза.

— Ты злишься, — сказал он.

— Нет.

— Врёшь плохо. Для русского — особенно плохо.

Сяо Лун отвернулся.

— Я не хочу снова хоронить.

Старик долго молчал. Потом с трудом поднял руку и указал на красную шкатулку у стены.

— Достань.

В шкатулке лежал свиток. Старый, жёлтый, плотный, будто сделанный не из бумаги, а из высушенной кожи времени. Иероглифы были выведены чёрной тушью, местами бурой.

— «Десять тысяч ударов», — сказал Ши Фу Лян. — Этому не учат детей. Этому не учат злых. И этому не учат тех, кто хочет славы.

— Тогда зачем мне?

— Потому что ты хочешь мести, но ещё способен плакать. Значит, не всё потеряно.

Сяо Лун сжал свиток.

— Я научусь.

— Нет. Сначала поймёшь, зачем.

— Чтобы убить тех, кто убил мою мать.

Старик закрыл глаза. На мгновение Сяо Лун подумал, что он снова провалился в жар. Но учитель заговорил:

— Чтобы однажды, когда сможешь убить, ты сумел не убить. Вот зачем.

Семь дней Сяо Лун читал свиток. Семь ночей стоял у деревянного манекена, обмотанного старой парусиной. Удар — дыхание. Удар — боль. Удар — память. На тысячном ударе кожа на костяшках лопнула. На пятидесятом он перестал чувствовать пальцы. На пятидесятом не раскололся манекен — раскололась его злость: стала тише, тяжелее, послушнее.

Сяо Лун вернулся в келью перед рассветом.

Ши Фу Лян спал. Дышал ровно.

Сяо Лун сел рядом, положил свиток на колени и впервые за много лет не попросил у Неба смерти врагам.

Он попросил, чтобы учитель проснулся.

Утром старик открыл глаза.

— Видишь, — прошептал он. — Упрямство иногда сильнее смерти.

Глава 10. ИМЯ

Пятнадцатый год в монастыре. Сяо Луну двадцать пять.

После китайского Нового года Ши Фу Лян позвал его в комнату для медитаций. Там не было свечей, только низкий столик, чайник и конверт из плотной серой бумаги.

Сяо Лун сразу понял: это не урок.

— Садись, — сказал учитель.

Он сел.

Старик долго наливал чай. Чай был горький, тёмный, почти чёрный. Так пили перед дорогой или перед смертью.

— Ты спрашивал меня, кто ты, — сказал Ши Фу Лян.

— Я перестал спрашивать.

— Нет. Ты просто научился молчать.

Учитель положил конверт на стол. Сяо Лун не протянул руку.

— Открой.

Внутри лежали бумаги с русскими буквами, которых он почти не помнил, фотография женщины с серьёзными глазами и мальчика с торчащими ушами, копия какого-то протокола.

И ещё лист, написанный рукой Ши Фу Ляна по-китайски.

Иконка была не в конверте. Она всё это время висела у него на груди. Просто теперь впервые стала не памятью без имени, а частью его настоящей жизни.

Имя: Дмитрий Ильич Серебряков.

Мать: Ирина Павловна Серебрякова.

Отец: Илья Серебряков, умер в 1988 году.

Родственники: Павел Степанович Серебряков, дед. Людмила Павловна, тётя. Город Тверь.

Сяо Лун смотрел на буквы. Они не складывались в слова. Потом сложились — и ударили сильнее любого кулака.

— Дмитрий, — сказал он вслух.

Имя прозвучало чужим. И родным. Как дверь, которую много лет держали заколоченной.

— Почему сейчас? — спросил он.

— Потому что в десять лет ты пошёл бы умирать. В пятнадцать — убивать. В двадцать — стал бы тем, кого ищешь. Сейчас у тебя есть шанс выбрать.

— Вы знали имена?

— Не все. Но достаточно, чтобы вернуть тебе своё. Остальное помогли собрать майор Ли и русский полковник, который слишком долго искал мёртвого ребёнка. Я не доверяю таким людям полностью, но в этот раз им пришлось сказать правду.

Дмитрий взял фотографию. Женщина на ней улыбалась не губами, а глазами. Его глаза были такими же.

— Я почти не помню её.

— Тело помнит. Поэтому ты не спишь.

Дмитрий закрыл глаза. Память поднялась сразу: серое небо, снег, мамина рука, выстрел.

— Они живы? — спросил он.

— Некоторые. Не все. Но те, кто построил дорогу к её смерти, живы.

— Я вернусь в Россию.

— Да.

— И найду их.

— Да.

— И если захочу убить?

Ши Фу Лян подвинул к нему деревянный меч. Тот самый, с которым Сяо Лун тренировался в первый год.

— Тогда вспомни: меч создан не для смерти. Смерть — только один из его путей. Самый короткий и самый бедный.

Дмитрий взял меч.

— Моя война началась?

— Нет, — сказал учитель. — Она началась в поле. Сегодня ты просто перестал бежать.

На рассвете Дмитрий вышел из ворот Шаолиня.

Впервые за пятнадцать лет его звали не Сяо Лун.

И впервые за пятнадцать лет он боялся не смерти.

Он боялся вернуться домой.

До России он добирался не один день и не одну неделю. Сначала было консульство: белые стены, запах бумаги, вопросы на русском, который он понимал хуже китайского, отпечатки пальцев, старые фотографии, справки, подписи. Люди в костюмах называли его гражданином Серебряковым, но смотрели как на проблему, которую слишком поздно нашли живой.

Потом появился конверт без обратного адреса. Внутри — временное удостоверение, билет до Москвы, билет до Твери, немного рублей и записка: «Павел Степанович. Мамулино. Не торопись убивать. Г.»

Девять месяцев ушли на то, чтобы государство признало: мальчик, которого похоронили в бумагах, жив. За эти месяцы Дмитрий выучил заново русские буквы, научился ставить подпись своим именем и понял: родина тоже бывает монастырём. Только вместо колокола в ней звенят печати.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РУССКИЙ ВОЛК

Глава 11. ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

Ноябрь 2005. Тверь.

Дмитрий вышел из автобуса на привокзальной площади и замер.

Пятнадцать лет он не слышал русской речи толпой. Не вдыхал этот запах: бензин, сигареты, прелый снег, пирожки с лотка. В Китае мир пах по-другому. Рисом и ладаном.

Он постоял минуту. Люди обходили его, как камень. Он сделал шаг — и чуть не споткнулся. Гололёд.

— Парень, мелочи не найдётся? — мужик без зубов.

— Мэй ю, — ответил Дмитрий по-китайски. Потом спохватился, мотнул головой. Мужик попятился.

Дмитрий пошёл пешком. Адрес деда — Мамулино, окраина. Город казался чужим и знакомым до боли.

У ларька купил бутылку воды. Продавщица назвала цену. Дмитрий вытащил китайские юани.

— Ты с луны свалился? Рубли есть.

Он вытащил мятые тысячные — те, что лежали в консульском конверте. Расплатился. Отошёл, долго смотрел на этикетку: «Святая вода из подземных источников». Усмехнулся. Святая вода из пластика.

«Ты дома. Но дом — не место. Время. А у тебя его нет».

Подъезд пропах кошками. Дверь обита клеёнкой. Дмитрий постучал — три коротких.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, с лицом уставшей лошади. В ватной фуфайке.

— Вам кого?

— Вы Людмила Павловна? Я Дмитрий. Сын Ирины.

Женщина побелела. Постояла, схватившись за косяк, потом осела на пол. Без звука.

Зашаркал дед — ампутированная нога, кожаный протез. Всмотрелся в лицо парня.

— Глаза. — Голос хриплый. — Иришкины глаза. И ямочка — как у бати. Заходи, внук.

Пятнадцать лет ждали.

Они втроём стояли в коридоре и плакали.

Глава 12. РОССИЯ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Дмитрий проснулся в пять утра. Тело подняло его раньше петухов. Он лежал на раскладушке в комнате, где когда-то жила его мать. Стены помнили её: обои в цветочек, старый ковёр, шкаф с треснувшим зеркалом.

Дед Павел уже не спал. Сидел на кухне, пил чай из гранёного стакана, курил «Приму».

— Ты чего не спишь? — спросил дед, не оборачиваясь.

— Не могу. Привык рано вставать.

— В монастыре, что ли, подъём в пять?

— В четыре.

— Сурово. Садись. Люда кашу сварила.

Каша была жидковатая, с комками. В монастыре кормили ровнее. Но Дмитрий ел молча. Вкус был чужой и родной одновременно: будто детство пыталось вернуться через ложку, но не знало дороги.

После завтрака он сказал:

— Мне нужно выйти. Посмотреть город.

— Не ходи один, — сказал дед. — Не потому что слабый. Потому что город теперь другой. Здесь не кулак главный, а бумага, звонок и тот, кто за спиной.

— Я привык смотреть за спину.

Дмитрий надел старую куртку и вышел.

Тверь была не его Тверью. Он помнил серый город детства — обшарпанный, но свой. Сейчас всё стало громче: ларьки, вывески, реклама кредитов, маршрутки, чужая музыка из телефонов. Люди говорили быстро, будто боялись, что их перебьют.

На остановке он сел в маршрутку и протянул водителю купюру. Водитель не обернулся.

— Передай за проезд.

Дмитрий не понял.

— Кому?

В салоне засмеялись. Женщина в пуховике взяла деньги из его руки и передала вперёд.

— Ты откуда такой?

— Из Китая.

— А-а. Тогда понятно.

На следующей остановке он вышел раньше, чем надо. Не потому что испугался. Просто понял: дома тоже надо учиться заново.

Глава 13. БАНКОМАТ И АЙСБЕРГ

На углу он увидел банкомат, встроенный в стену банка. Такие машины он видел и в Китае — издалека, рядом с вокзалами и гостиницами. Но там его жизнь была простой: наличные в конверте, монастырская лавка, чужие руки, которые передавали сдачу.

Здесь люди вставляли пластиковые карточки, вводили цифры, и железный ящик выдавал деньги так уверенно, будто знал их лучше, чем они сами. Дмитрий встал в очередь последним.

— Ты в очереди? — спросила женщина.

— Да. Как это работает?

— Что значит как? Банкомат. Вставляешь карточку, вводишь пин-код, он даёт деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.